

Вознякевич Екатерина Евгеньевна, канд. филос. наук, доцент, Обнинский институт атомной энергетики — филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Обнинск

ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ВНЕ ВЕРБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: в статье ставится вопрос о возможности применения концепции «субъекта языковой игры» для анализа коммуникативной ситуации, выходящей за пределы собственно вербального взаимодействия. Для постановки проблемы используется различие буквального и аллегорического уровня понимания текста. Делается вывод о том, что границы субъекта языковой игры невозможно установить в пространстве интерсубъективности. На основании полученного вывода можно предположить, что такие границы устанавливаются произвольно.

Ключевые слова: понимание, языковая игра, субъект, произвольность, контекст.

Abstract: the article raises the question of the possibility of applying the concept of "the subject of a language game" to analyze a communicative situation that goes beyond the actual verbal interaction. To formulate the problem, we use a distinction between the literal and allegorical level of understanding of the text. It is concluded that the boundaries of the subject of a language game cannot be established in the space of intersubjectivity. Based on the resulting conclusion, we can assume that such boundaries are set arbitrarily.

Key words: awareness, language play, the subject of randomness, context.

Когда-то Филон Александрийский, говоря о различии прямого и косвенного значений слов, ввел традицию иносказательного толкования текстов, выделяя буквальный уровень смыслов и аллегорический. Главным отличием второго было то, что он не был ограничен конкретной жизненной ситуацией. В то время как границы субъекта языковой игры, задаваемые конкретной ситуацией общения [2, с. 48 – 49], проясняются каждым участником, на аллегорическом уровне такие границы выглядят размытыми, а процесс их выявления – проблематичным.

Стремление увидеть за меняющимися обыденными значениями слов и выражений некое устойчивое, постоянно сохраняющееся содержание, в некотором роде сохраняются как условие возможности субъективного.

В XIX веке сложившееся в поздней Античности искусство толкования с его интертекстуальным характером потребовало теоретических оснований для доказательства правильности предлагаемых интерпретаций сообщений, передававшихся от участника взаимодействия другим. Разработка «новой герменевтики», предпринятая Ф. Шлейермахера, привела к идее различения искусства понимания и искусства изложения понятого [8, с. 41]. Он полагал, что речь появляется там, где субъект осознает потребность закрепить мысль с помощью языковых средств. Речь, понималась им как способ конструирования субъективной реальности. Можно сказать, что он предложил интерпретировать поток сознания как создание «внутреннего» текста.

Исходя из этого, следует сказать, что предпосылкой понимания, сказанного является способность осознать языковую организацию сообщения, его грамматическое устройство. Конечно, сам Шлейермахер не различал по уровням грамматическое и психологическое восприятия текста. Он видел в них взаимопроникающие аспекты. Но Шлейермахер неоднократно подчеркивал, что грамматическая структура высказываний работает как основа целостности текста [8, с. 153]. Если, способ организации сообщения является предпосылкой его содержательного понимания, то способность одинаково воспринять грамматическую форму текста предполагает сходство языков говорящего и

слушающего. Это стало, по сути, основной концепцией «первого канона», формулируемого Шлейермахером в своих лекциях по герменевтике. «Второй канон» ставил смысл слова в зависимость от других, окружающих его, слов, определяя область ожиданий получателя сообщений [8, с. 153]. Как подчеркивал Витгенштейн, у человека есть опыт восприятия стандартных речевых актов [3, с. 62].

Но дело в том, что на аллегорическом уровне всех участников больше интересует не то, *что сказано*, а то, *что хотелось сказать*. В этом смысле субъект языковой игры на данном уровне выступает, скорее, не как источник информации, а как, собственно, волящий субъект.

Быть обнаруженным в качестве такового можно только в том случае, если манифестация некоторого другого внутреннего состояния будет достаточно эффективна. М. М. Бахтин, анализируя условия актуализации такого положения дел, предлагал процесс понимания разложить на несколько составляющих его актов, каждый из которых можно рассматривать в качестве последовательных шагов формирования коммуникативной ситуации. В работе «К методологии гуманитарных наук» он выделял восприятие внешней формы высказывания, узнавание знака и оценку его уместности, затем уже включение знака в диалогический контекст [1, с. 361].

Собственно, сам контекст уже не присутствует на буквальном уровне. Он всегда представляет собой своего рода аллегорию. Г. Гадамер, в этой связи подчеркивал важность постоянного учета дистанции между содержанием высказывания, которое для всех участников языковой игры выступает как намерение и реализация. Возникает некоторое пространство между высказыванием до и после выражения. Гадамер, подчеркивал отсутствие полного совпадения мысленного содержания разных людей, что определяется частичным различием контекстов, проясняющимся в ходе языковой игры.

Он отмечал, что «субъективность фокусируется системой кривых зеркал», говоря о том, что Бэкон называл Идолом Пещеры. Восприятие своей «герметичности» по сравнению с Другим для «монады, не имеющей окон»

выходит за возможный опыт любого эмпирического «Я» [5, с. 329]. Уже Ф. Бэкон считал, что полностью устранить Идола Пещеры невозможно. Но без установления каких-то отношений к высказыванию участников языковой игры Гадамер в другой своей работе: «Непосредственная затронутость миром очень часто выражается во всевозможных до- и языковых озарениях, немотствованиях, умолчаниях» [4, с. 13].

Именно в силу данного обстоятельства Гадамер предлагал учитывать и внутренние состояния субъекта. Существенным моментом здесь является обнаружение помех в коммуникативном процессе. Понимание возможно лишь там, где осознается непонимание [4, с. 45].

Переход на аллегорический уровень, где границы субъекта языковой игры начинают терять свою определенность, обусловлен еще и «презумпцией совершенства» [6]. Мы воспринимаем высказывания как целостный текст, пытаюсь предугадать характер такой целостности [4, с. 78].

П. Рикер, в свою очередь, отмечал, что коммуникативный опыт различных участников организуется через систему социальных по своей природе институтов [7, с. 97]. В этом случае собственно граница субъекта языковой игры возникает не в intersubъективном пространстве коммуникативной ситуации, а в посредством усматривания различий возможных смыслов.

Библиографический список:

1. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества [Текст] /Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова.—2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — С. 381-394.

2. Вайсман Ф. Витгенштейн и Венский кружок [Текст] / пер. с нем. В.В. Анашвили // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / под ред. А.Ф. Грязнова. М., 1998. С. 44–68.

3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат [Текст] / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 2–73.

4. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного [Текст]: [Пер. с нем.] / Г.-Г. Гадамер; [Послесл. В. С. Малахова; Коммент. В. С. Малахова, В. В. Бибихина]. - Москва: Искусство, 1991. – 366.

5. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: [Текст] / Пер. с нем./Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова.- М.: Прогресс, 1988.-704 с.

6. Коваль О. А., Крюкова Е. Б. Образ языка Людвига Витгенштейна и язык образов Ингеборг Бахман [Электронный ресурс]// Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2018. №51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-yazyka-lyudviga-vitgenshteyna-i-yazyk-obrazov-ingeborg-bahman> (дата обращения: 29.04.2020).

7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. [Текст] / Перевод с французского, вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной М.: Академический Проект, 2008. — 695 с.

8. Шлейермахер Ф. Герменевтика. [Текст] / Перевод с немецкого А.Л. Вольского СПб.: «Европейский Дом». 2004. — 242 с.